

ТРАДИЦИИ И НАДЕЖДЫ

Мы верим, будто нами рождено все то, что мы
от предков узнаем.

Уильям Шекспир

Если бы меня спросили, какая из дорог в моей жизни запала мне в душу глубже всего, я бы ответил, не задумываясь: «Дорога, ведущая из Степанакерта через Красне, Нинги, Нингиджан в Агорти». В школьные годы каждое без исключения лето по этой горной, местами извилистой, как змея, местами прямой, как стрела, тропе я ездил в родное село моего отца. Всякий раз время поездки на летние каникулы совпадало с первым урожаем тутовых ягод. Это было или в самом конце мая, или в начале июня. По обеим сторонам дороги, то там, то тут, встречались участки живых ярко-красных ковров, пахнувших земляникой. И мы, путники, то и дело останавливались, чтобы набрать и нарвать букетиками спелые и полуспелые бордовые ягодки земляники. На обратном пути в конце августа уже поспевала ежевика и соблазнительно притягивали к себе густые колючие кусты с висячими иссиня-черными гроздьями сочных ягод.

Дорога эта запомнилась мне еще и своим терпким вкусом запахом, и вечно прыгающими под ногами кузнечиками. И все же чаще всего вспоминаю свое возвращение потому, что всякий раз дорога домой становилась какой-то другой, новой. И не только из-за того, что за два-три месяца я в обязательном порядке вырастал из старых штанишек и обуви. Я уже знал, что в первый же день нового учебного года мои одноклассники взахлеб будут рассказывать об их пребывании в пионерских лагерях Шуши и на берегу реки Каркар, а мне не о чем будет с ними говорить. Не расскажешь же своим сверстникам, что ты каждое утро вместе со всей родней вставал чуть свет, вместе со взрослыми ходил на сенокос и на мельницу, на сбор тутовых ягод и в лес за дровами, самостоятельно, без помощи взрослых, загонял корову, овец и свиней на скотный двор, а вечерами с мальчишками лазил по всем «именным» садам Агорти. В тех местах простирались бескрайние сады, называемые по имени нашего рода «Бланц багер» (Сады

Бланцев — Балаянов), но ни с одного дерева нельзя было сорвать ни одного плода. И уж, наверно, совсем странным выглядело бы, если бы я попробовал рассказать одноклассникам, как запоминал и даже записывал какие-то мысли, особенно высказанные стариками то на посиделках в самом центре села рядом с церковью, где когда-то нес службу мой дед, то гостями в нашем доме, а то и во время обеда на сенокосе или жатве. Не расскажешь же им, что не раз доводилось мне находиться совсем-совсем рядом с тем двором, где играли свадьбу, или проходили поминки, и мужчины сидели отдельно, женщины отдельно.

Это были поистине неповторимые «мои университеты». Там в далеком и не очень сытом детстве я усвоил самый главный и самый важный для меня урок: народ наш живет и держится на стариках и старухах, на дедушках и бабушках, на все время работающих в поле седовласых и небритых мужчинах и все время работающих дома согбенных женщинах с морщинистыми лицами. При этом я четко усвоил, что за столом, особенно на свадьбах и поминках, говорят только мужчины, часто цитируя наших предков; что утром здороваются друг с другом только после того, как умываются. Чаще всего это бывает так: обдал лицо водой из умывальника, вытерся полотенцем и произнес привычное, если не сказать обязательное, «Доброе утро», точнее, «Добрый свет!».

Не помню случая, чтобы в самом селе или далеко от него — на большой ли дороге или лесной тропке — люди при встрече не здоровались. С детства я знал, что во время перерыва на сенокосе или жатве мужчина не должен лежать на земле животом вниз. Если даже кто-нибудь невзначай повернулся на живот, то его непременно разбудят и скажут при этом: «Нельзя на земле лежать животом вниз». Детям в таких случаях говорят, что живот будет болеть. А вот взрослые, как потом я выяснил, обязаны знать об этом неписаном законе, повелевающем: мужчина не должен лежать животом вниз, ибо земля — это мать родная. Лишь десятилетия спустя прочел в капитальной монографии профессора юриспруденции Рубена Авакяна «Памятники армянского права», что закон тот вовсе и не неписанный, а очень даже писанный, зафиксированный в судебныхниках и сборниках традиций.

Более всего запечатлелись в моей памяти свадьбы, которые проводились, как правило, по осени, после сбора урожая. После войны, когда возвращались домой фронтовики, в Агорти все от мала до велика знали, у кого и когда будет свадьба. Даже мы, подростки, хорошо усвоили одну закономерность: как правило,

летом играли свадьбы те, кто собирался вскоре оставить село. Наизусть заучили и будущую географию молодоженов: Баку, Сумгаит, Мингечаур, Ашхабад, Ташкент, Андижан. Кстати, во всех этих населенных пунктах вскоре оказались и мои близкие и дальние родственники. Но это уже другая тема. Хотелось бы остановиться на свадьбах, точнее, на свадебных традициях.

Сегодня каждый раз за свадебным столом я невольно вспоминаю Агорти. Провожу параллель. Дело, конечно, не в том, как фантастически разнятся количество и разнообразие блюд. Дело, скорее, в самой философии такого самого важного и самого памятного, выражаясь скучным чиновничьим словом, мероприятия в нашей жизни, как свадьба. Конечно, нетрудно догадаться, что уже в ту послевоенную пору наши свадьбы ничего общего не имели с прежними ритуалами, которыми наши бабушки и дедушки сопровождали бракосочетание. Ритуал по сути своей был религиозный. И, объявив религию опиумом для народа, большевики уничтожили все то, что было связано с ней, начиная от церквей, кончая церковниками и традициями. И все же, как бы официальная пропаганда ни искореняла и ни упраздняла народные традиции и обычаи, невозможно было задуть народную мудрость и философскую самоценность народного слова. Ибо самым запоминающимся было именно слово. Я не помню, к примеру, как выглядели и во что были одеты женихи и невесты, тем более что тогда не было ни черных костюмов с красными галстуками, ни белоснежного платья с воздушной фатой. Тамада чем-то напоминал полковнца, ибо слово его звучало, как приказ и команда, а то и университетского профессора-лектора, ибо слово его носило, я бы сказал, нужную всем, и в первую очередь молодоженам, информацию.

Для меня таким профессором-полковцем в Агорти был Зкранц Андраник (моя бабушка по отцу и мать Андраника были родными сестрами), которого, бывало, специально приглашали из Степанакерта на свадьбу в Агорти. С детства я обратил внимание, что за любым столом в Арцахе тамада со всеми общается на карабахском наречии. Дает указания и команды только на нем. Но как только поднимает рюмку с тутовой водкой, становится другим. Произносит тост исключительно на литературном армянском языке. Это была не просто традиция. Это был закон. Зкранц Андраник — главный инженер шелкового комбината, автор многих публикаций на исторические и этнографические темы — говорил не просто на литературном языке, он выступал как истый литератор.

Я вовсе не случайно сегодня ударился в эти чисто биографические воспоминания. Каждый раз за свадебным (и не только за свадебным) столом я вспоминаю уроки дядюшки Андраника, которые и впрямь стали для меня университетами. Сегодня создается такое впечатление, что свадьбы наши переродились в некое шоу. Какой-то самоцельный гала-концерт. У меня много друзей и знакомых, и мне бы очень не хотелось, чтобы хоть кто-нибудь из них хотя бы на мгновение ассоциировал их с собственным праздником, участником которого мне посчастливилось бывать. Дело просто в том, что многие «ритуальные номера и процедуры» постепенно становятся уже новыми традициями и привычками.

Так что трудно винить кого-либо в «нововведениях». Я абсолютно убежден, что нельзя, к примеру, «запись актов гражданского состояния» (отсюда и аббревиатура ЗАГС) проводить в ресторане. После венчания в церкви это мероприятие носит чисто государственный характер со своими канонами. И не случайно, что оно проводится в специальном храме, названном Дворцом бракосочетания, в котором и расположен ЗАГС. Сама же свадьба, как уже говорилось, — это обряд, «сопровождающийся не только заключением брака, но и традиционным ритуализованным переездом невесты из дома родителей в дом жениха, обменом подарками, «пиром» и так далее». Так написано в канонах традиций и энциклопедиях многих народов. Нет сомнения, что свадьба, кроме прочего, — это и «уроки по передаче семейной эстафеты» молодоженам, и, конечно, праздник.

Поэтому главным действующим лицом на армянской свадьбе является не новоявленный конферансье со своими дежурными шутками и шумным представлением музыкальных номеров, которые исполняются так громко, что чуть не лопаются барабанные перепонки, а тамада, у которого вот уже три тысячи лет в арсенале находится (должно находиться) множество традиционных тостов, называемых «уроками для жениха и невесты». При этом святая обязанность тамады, чтобы «философия свадьбы не перерастала в назидание», чтобы «песни лились рекой», чтобы «от танцев грохотала земля».

Я далек от мысли полагать, что мы должны быть в плену у традиций предков, презрев всякие новшества. Это была бы одна крайность. Однако другая крайность — это когда начисто игнорируется суть и смысл самой свадьбы. Я хорошо помню, как тамада Зкранц Андраник, обращаясь к жениху и невесте, рассказывал об их родителях, об их предках. Говорил о великой роли в

укреплении армянской семьи, (а стало быть, армянской государственности) таких «поистине уникальных профессий», как тесть и теща, свекор и свекровь. Позволял шутить по поводу традиционных анекдотов о теще, но и при этом, вмиг посерьезнев, находил точные слова: «теща не только мать твоей любимой, но и бабушка твоих детей, а это значит: она стоит вровень с твоей матерью». За весь вечер и всю ночь, до самого утра тамада успевал найти и произнести для всей родни новобрачных нужные слова. Учítывая, что чаще всего невеста была родом из другой деревни, тамада заранее узнавал, изучал ее род, ее, как говорят у армян, «куст». Это нужно было, чтобы близкие и дальние родственники с обеих сторон узнавали друг о друге, чтобы они радовались друг другу, гордились друг другом.

На свадьбе никогда прилюдно не читали невесте назиданий. Этим делом до и после свадьбы занимались женщины. Но вот о чувстве ответственности жениха как главы семьи, как будущего отца говорили много и приводили яркие примеры из его же рода. Часто тамада шутил, называя свадьбу то «клятвой при всех», то «способом вызвать зависть у женщин и панику у мужчин», то «торжественным стартом двух оптимистов в неведомое». А после, обращаясь к жениху и невесте, предупреждал по-отцовски: никогда не вздумайте жаловаться друг на друга. Все ваши проблемы и вопросы решайте сами. Во-первых, жалобщиков никто не любит, во-вторых, в своем судебнике Мхитар Гош предлагал наказывать жалобщика, который уподобляется человеку, повредившему орудие труда, а посему обязанному возместить вред, причиненный им самим. Имя Мхитара Гоша впервые услышал от дядюшки Андраника в Агорти на свадьбе, но прочитал о жалобщиках примерно лет сорок спустя.

Я не думаю, что мы сегодня, обставленные и окруженные техникой, информированные Интернетом, телевидением и молвой, стали умнее и мудрее наших предков. Сомневаюсь, что человек с компьютером выглядит мудрее, нежели человек с карандашом. Вообще, не дай Бог, если мы когда-нибудь и впрямь потеряем древний, как мир, карандаш с его неприхотливостью, верностью и надежностью. Он нам всегда будет нужен как наше прошлое, с которым нас связывает действенная и спасительная память, надежно сохраняющая народные традиции, которые в свою очередь питают саму Надежду. Впервые именно на армянской свадьбе я услышал от тамады полную упреждающей тревоги мысль: «Когда у народа отнимают надежду и традиции, очень быстро наступает моральное разложение».